

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-72-82

Волна и камень. О взаимоотношениях Акима Волынского и Дмитрия Мережковского

Олег Анатольевич Матвейчев

Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия

matveyol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

Аннотация

В статье анализируется история взаимовлияния и сложных личных взаимоотношений литературного критика А. Л. Волынского и писателя Д. С. Мережковского. Знакомые еще по учебе в Петербургском университете, они на протяжении десяти лет сотрудничали в журнале «Северный вестник», ставшем форпостом борьбы против социологизма и позитивизма в системе художественной мысли, и стали предтечами русского религиозно-философского ренессанса конца XIX – начала XX в. Практически одновременно они переоткрывают читающей публике Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и – каждый по-своему – ищут пути к новой религиозности. Непрочный союз литераторов рушится из-за их разногласий относительно философии Ницше: Волынский не приемлет ницшеанского имморализма, крайнего индивидуализма и безбожия. Принципиально различными оказываются и их трактовки Ренессанса: если Мережковский в ницшеанском ключе рассматривал его как период возрождения живого, светлого языческого начала, борящегося с сумрачным христианством, и жаждал наступления Третьего Ренессанса, то Волынский трактует Ренессанс как движение антихристианское, демоническое, реставрацию темных языческих начал.

Ключевые слова

история философии, русская философия, русская литература, Серебряный век, идеализм, Аким Волынский, Дмитрий Мережковский

Для цитирования

Матвейчев О. А. Волна и камень. О взаимоотношениях Акима Волынского и Дмитрия Мережковского // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 72–82. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-72-82

© Матвейчев О. А., 2024

Wave and stone. About the relationship between Akim Volynsky and Dmitry Merezhkovsky

Oleg A. Matveychev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia*

matveyol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

Abstract

The article treats the history of mutual influence and complex personal relationships between the literary critic A. L. Volynsky and the writer D. S. Merezhkovsky. Having known each other while studying at St. Petersburg University, they collaborated for ten years in the journal "Severny Vestnik," which became an outpost of the struggle against 'sociologism' and positivism in the system of artistic thought. Both of them became forerunners of the Russian religious and philosophical renaissance of the late 19th and early 20th centuries. Almost simultaneously they rediscovered Leo Tolstoy and Fedor Dostoevsky for the reading audience and, each in his own way, searched for ways to a new religiosity. The unstable alliance between the two writers collapses due to their disagreement over Nietzsche's philosophy. Volynsky does not accept Nietzschean immoralism, extreme individualism and godlessness. Their interpretations of the Renaissance are also fundamentally different: while Merezhkovsky viewed it in the Nietzschean vein as a period of revival of the vivid light pagan force, struggling with the dusky Christianity, and longed for the coming of the Third Renaissance, Volynsky interprets the Renaissance as an anti-Christian, demonic movement, the restoration of dark pagan forces.

Keywords

history of philosophy, Russian philosophy, Russian literature, Silver Age of Russian culture, idealism, Akim Volynsky, Dmitry Merezhkovsky

For citations

Matveychev O. A. Wave and Stone. About the Relationship between Akim Volynsky and Dmitry Merezhkovsky. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 72–82. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-72-82

Знакомство А. Л. Волынского и Д. С. Мережковского состоялось благодаря их совместному участию в научно-литературном обществе при Петербургском университете под руководством О. Ф. Миллера. В 1887 г. студент юрфака Флексер (настоящая фамилия Волынского) по приглашению профессора-правоведа Н. Л. Дювернуа читает на собрании общества сообщение о споре Дж. Милля и Г. Спенсера. Сделанный экспромтом доклад, вспоминал впоследствии Волынский, «имел необычный успех. Всем тогда показалось, что во мне заключен эмбрион теоретического философа» [Волынский, 1994, с. 249].

Среди слушателей находится студент историко-филологического факультета Мережковский, в то время также интересовавшийся учениями английских позитивистов. Впечатленный докладом, он проводил нового знакомого до дома (как оказалось, они жили по соседству, на улице Знаменской), а через несколько дней представил его А. А. Давыдовой (впоследствии – издательницы «Мира Божьего»), в квартире которой собирался кружок народников, в т.ч. Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, Г. И. Успенский. Именно здесь, в салоне Давыдовой, произойдет и знакомство Волынского с курсисткой Л. Я. Гуревич, будущей писательницей и издательницей «Северного вестника».

Летом 1888 г. Мережковский знакомится в Боржоме с З. Н. Гиппиус, и уже в ноябре он предлагает ей руку и сердце. После венчания, состоявшегося 8 января 1889 г. в тифлисской церкви архангела Михаила, Мережковский привозит молодую супругу в Петербург и на следующий же день собирает друзей на торжественный ужин. Волынский знакомится с Гиппиус и становится частым гостем в доме молодоженов.

Под влиянием Мережковского Волынский всерьез увлекается христианством. В марте 1889 г. в «Православном обозрении» выходит его большая статья «О свободе убеждений в христианстве». Ее главная мысль, что философия должна утвердиться на религиозных, христианских началах, без преувеличения шокировала тогдашнюю интеллигенцию, воспитанную на идеях позитивизма. Однако настоящую «борьбу за идеализм» (так будет назван один из сборников его статей) Волынский начнет уже на страницах журнала «Северный вестник», куда он попадет по протекции Мережковского.

Созданный в 1885 г. «Северный вестник» считался оплотом народничества; именно сюда перебралась после закрытия «Отечественных записок» группа Н. К. Михайловского. Здесь же фактически начиналась литературная карьера юного Мережковского, поначалу искренне увлеченного народнической проповедью Михайловского (он даже «идет в народ» – ходит пешком по волжским и камским деревням, беседует с простыми людьми и вынашивает планы стать сельским учителем). Журналом руководили А. А. Давыдова и А. М. Евреинова.

В «Северный вестник» Волынский пришел с совершенно крамольной для журнала мыслью о необходимости религиозного переустройства общественного бытия. В первой же статье, опубликованной в этом журнале, он провозгласил неизбежность «власти религиозной веры над всеми вопросами жизни» (см.: [Волынский, 1889]). Философия Канта, борющаяся с догматизмом в мышлении и одновременно устанавливающая незыблемые нравственные идеалы, стала мировоззренческой основой в борьбе Волынского с позитивизмом и атеизмом.

В 1890 г. финансовые неурядицы, вызванные уходом народнической группы, вынуждают Евреинову продать журнал с 2200 подписчиками группе университетской молодежи во главе с Б. Г. Глинским. В числе пайщиков попадает Л. Я. Гуревич, выпросившая у отца 5000 рублей как часть будущего наследства. В 1891 г. Гуревич становится единоличным издателем «Северного вестника» и передает его Волынскому в фактически безраздельное владение. Волынский полностью преобразует «народнический» журнал и делает его форпостом русского литературного модернизма. Он привлекает к сотрудничеству В. С. Соловьева и опального Н. С. Лескова, печатает молодых Н. М. Минского, К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба.

В журнале продолжает публиковаться и Мережковский, отнесшийся к «смене власти» в журнале, однако, с неодобрением. ««Северный Вестник» окончательно перешел в руки Гуревич, т.е. еврея Флексера, потому что Гуревич сама вся в руках Флексера, – жаловался он А. Н. Плещееву в письме от 24 сентября 1891 г. – Он необычайно сделался важен» (цит. по: [Холиков, 2010, с. 52]). Мережковский недоволен и атакой, предпринятой Волынским на почтенного публициста-народника Михайловского – его, как сотрудника (а стало быть, как считалось, – соратника) непримиримого редактора перестают печатать либеральные журналы. Но все

это – за спиной; внешне же кажется, что «Мережок» и «Флексераки-филосóf», как они приятельски называли друг друга, – друзья не разлей вода.

Еврей из Житомира и русский дворянин из Петербурга, въедливый критик и утонченный поэт – по всему антиподы, они, кажется, идут одними путями¹. Они – каждый по-своему – переоткрывают читающей публике Л. Н. Толстого, в противовес Михайловскому настаивая, что автор «Воскресения» велик не только как художник, но и как философ. Они учат читать Ф. М. Достоевского не как бытописателя, а как глубочайшего мыслителя и знатока человеческих душ, практически одновременно – и независимо друг от друга – выработав метод интерпретации его произведений через обращение к вопросам телесности, пластики, материальности². Они бунтуют против реалистической эстетики и социологизма своих предшественников-шестидесятников и – каждый по-своему – ищут пути к новой религиозности. Таким образом, по словам израильской исследовательницы Е. Д. Толстой, Волынский вместе с Мережковским «очертил площадку, на которой впоследствии будут происходить самые захватывающие события в русской интеллектуальной жизни надвигающегося века» [Толстая, 2013, с. 9].

Однако довольно скоро появляется причина для дальнейшего разлада – в России узнают Ницше. По свидетельству С. К. Маковского, идеи немецкого философа впервые попали в Россию благодаря П. Д. Боборыкину, в самом начале 1890-х привезшему из Висбадена «Утреннюю зарю», «По ту сторону добра и зла» и «Заратустру» (см.: [Маковский, 2000, с. 515]). Творчество Ницше становится самой обсуждаемой темой в интеллигентских салонах. Среди тех, кого, по выражению Маковского, «заразили парадоксы Ницше», был Д. С. Мережковский. Летом 1892 г. на загородной даче в Сиверской состоялась его дискуссия с Волынским, имевшая далеко идущие последствия. Накануне встречи идеолог «Северного вестника» познакомился с «Заратустрой», которого ему одолжил адвокат А. Я. Пассовер, и решил поделиться впечатлениями с друзьями. «Вышел большой, захвативший нас всех диспут, – вспоминал Волынский. – Мережковский гарцевал на нищенских (очевидно, опечатка, должно быть: «ницшевских»). – О. М.) афоризмах с большим великолепием. Голос его грохотал из холодной души. Мои указания на то, что в умствованиях Ницше, пусть и блистательных по своей форме, пусть даже в некотором роде и биологичных, нет имманентного морального зерна, заложенного в самой природе, Мережковский отбрасывал почти с негодованием. Он с жаром указывал на то, что во мне говорит еврей и что новейшее течение в литературе, в котором он плескался, разводя пену и брызги, мне просто не подсудно. Эту уничтожающую мысль он отстаивал с фанатическим упрямством»³.

¹ А. М. Ремизов впоследствии отметит, что Волынский «писал всегда на одну тему с Мережковским» (цит. по: [Пайман, 2000, с. 27]).

² «Понадобилась работа целого поколения, труды Д. С. Мережковского, А. Л. Волынского, чтобы научить нас видеть в Достоевском иное, чем бытописателя, а в каком-нибудь Раскольникове не просто представителя психологии “голодающего студенчества”, что видел в нем Писарев» [Карцевский, 1921, с. 118].

³ См.: Аким Волынский. Антон Павлович Чехов. Воспоминания критика о писателе. 1925 г. / Публикация, предисл., комм. А.Л. Евстигнеевой // Наше наследие. 2011. № 98. URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/9812.php> (дата обращения: 15.05.2024).

Имморализм, крайний индивидуализм и безбожие были главными претензиями, которые Волынский предъявлял к Ницше и его последователям в России, замороженным лишь внешней привлекательностью ницшеанства. Само это время, прошедшее под знаком Ницше, Волынский вспоминал впоследствии, по его выражению, «с тоскою и горечью»: «Были слова, но слова эти, занесенные ветром в наши болота и равнины из очагов и пожаров Европы, звучали пустозвонно, занимая на миг, иногда даже пленяя, но никогда не волнуя по-настоящему. Никакой морали, ни явной, ни скрытой, в них не было ни следа»⁴.

Вскоре ницшеанство Мережковского выступило причиной разногласий между друзьями. К весне 1892 г. Мережковский закончил исторический роман «Юлиан Отступник», в котором явственно чувствовалось влияние Ницше: заглавный герой перед лицом наступающего христианства с его отвращением к чувственной красоте и плотской жизни пытается возродить в Византии культ богов-олимпийцев. Опубликовать роман предполагалось в «Северном вестнике», однако Волынский подверг текст нещадным правкам, вымарав из него все «ницшеанство». Разгорелся конфликт, в результате чего журнал был закрыт для Мережковского, а в апрельском номере Волынский еще и нелицеприятно прошелся по поэтическим способностям своего товарища, напечатав рецензию на его новый сборник «Символы». В ней он рассуждал о «таланте мелкого пошиба, с ничтожно-горделивыми мечтаниями, с вечным шатаньем справа налево и слева направо по всем путям возможного литературного успеха», разоблачал эпигонство Мережковского, в котором тот «фальшиво-тенденциозен, резонерски холоден, то вял и растянут, то несдержанно-криклив и несдержанно патетичен», и поучал «расчетливого» лирика: «Попроще, поменьше ломанья, побольше искренности!» [Волынский, 2001, с. 31, 34]. В общем, в своем неповторимом стиле «рубил правду-матку», не стесняясь хлестких выражений.

Лишенный трибуны в «Северном вестнике», Мережковский ответил устно, выступив 26 октября 1892 г. в Русском литературном обществе со знаменитой лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Среди причин падения российской словесности Мережковский указал литературную кружковщину, диктат «толстых» журналов и литературной критики, утрату популярными публицистами простоты и ясности речи в угоду нагужному остроумию и сатирическим ужимкам, возрастающее невежество и систему гонораторов, заставляющую писателей угождать низшим потребностям толпы. Яркий симптом тяжелой болезни русской литературы, «признак последних дней целого поколения» – и тут Мережковский уже переходит на личности – это «когда в литературе начинают появляться молодые люди или, лучше сказать, молодые мертвецы, ... когда от самых юных, только что начинающих, веет уже холодом могилы, страшным запахом смерти и тлена ... уже тут, несомненно, быть худу!» [Мережковский, 2007, с. 452]. Слова эти – о Волынском, который, несмотря на все свои таланты и страстность ума, не более чем «зловещая карикатура на Спинозу», которая «своими мертвыми устами, своим деревянно-цветистым языком проповедует деревянно-мертвого талмудического Бога» [Мережковский, 2007, с. 452].

⁴ См.: Аким Волынский. ...

Впрочем, по мнению Мережковского, для русской литературы не все еще потеряно; и именно сейчас пробиваются на свет Божий тайные побегии нового искусства, которое характеризуют три элемента: глубокое мистическое содержание, язык философских символов и художественный импрессионизм. Все три основы идеальной литературы не создаются вновь – они обнаруживаются у великих русских писателей Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова, творчеству которых и наследует современный символизм.

Лекция Мережковского получила оглушительный успех и была немедленно издана отдельной брошюрой. Как и сборник «Символы», столь искромётно отрецензированный Волынским в «Северном вестнике», она была воспринята современниками как манифест нового течения в искусстве – символизма. Далеко идущие последствия лекция имела и для самого Волынского.

В марте 1893 г. Волынский публикует в «Северном вестнике» рецензию на манифест Мережковского. Начав ее с дежурных филиппик в адрес «приторно-слащавого красноречия» своего друга с «бесцветным содержанием, с экстазом в приподнятых фразах, раздражающих слух, как вопли, крики и слезы поддельной истерики» [Волынский, 1893, с. 108], автор переходит к критике по существу, оспаривая тезис о том, что нынче нет литературы, достойной великой поэзии прошлого (есть! дело Пушкина продолжает проза Тургенева, Достоевского, Толстого). Но упадок литературного дела, тем не менее, налицо, и причину его Волынский видит в том, что отечественная литература «не имела своих настоящих истолкователей». Русским литературным критикам недоставало знания философии, да и элементарно образования, чтобы «разнести по всему необъятному пространству России свет, который хранится в созданиях ее поэзии» [Волынский, 1893, с. 121]. И все, что они делали, – это вели «ожесточенную войну против эстетики, законов искусства, напрягая детские силки и зывая к “наущным”, “практическим” потребностям русского общества. Умственное развитие России шло уродливым путем» [Волынский, 1893, с. 122].

С подачи Мережковского Волынский начинает свой поход против демократической критики, который сделает его одновременно знаменитым на всю страну и нерукопожатным среди либеральной интеллигенции. В октябре 1893 г. «Северный вестник» приступает к публикации очерков о В. Г. Белинском (1893, № 10–12), которые открывают цикл литературоведческих статей, направленных против социологизма и позитивизма в системе художественной мысли. Волынский требует от литераторов рассуждений о вечных истинах и фундирования на незыблемых основаниях. В этих статьях Волынский «подготовил почву для нового искусства, бросив вызов прославленному “сонму мучеников”, утверждавших традицию радикальной литературной критики, – Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву и их последователям в 80-х и 90-х годах. И все это он делал по-донкихотски, пренебрегая собственной литературной репутацией» [Пайман, 2000, с. 25].

Несмотря на очередной публичный обмен колкостями, в 1893 г. Волынский и Мережковский вновь сближаются, а З. Н. Гиппиус становится постоянным автором «Северного вестника» и заводит бурный роман с Волынским, который продлится более четырех лет. Об этой порочной связи с большим удовольствием судачил весь литературный Петербург и, кажется, не ведал о ней лишь один

Дмитрий Сергеевич, являвший собой, если уж называть вещи своими именами, «классический образец водевильного мужа-рогоносца» [Зобнин, 2008, с. 140]. Благодаря интрижке с Гиппиус был достигнут компромисс по поводу отложенной публикации давно завершеного романа о Юлиане Отступнике. В 1895 г. под журнальным заголовком «Отверженный» он все же был напечатан в «Северном вестнике», хотя и в урезанном и искаженном виде (Зинаида Николаевна вспоминала, как Волынский едва ли не кричал, работая над текстом: «Это – вон! Вот это тоже вон!» [Гиппиус, 2001, с. 257]).

Не в силах держать в себе свои чувства, Гиппиус пишет рассказ «Златоцвет», фабулой которого (и это был секрет Полишинеля) послужил ее роман с Волынским. Рассказ печатается в «Северном вестнике» (1896, № 2–4). Л. Я. Гуревич, сходя с ума от ревности, 19 марта 1896 г. пишет письмо своему возлюбленному, моля его объяснить за «Златоцвет». Волынский юлит и пытается все отрицать, а буквально через пару недель вероломно для своей многолетней подруги отправляется вместе с четой Мережковских в путешествие в европейскую экспедицию (Италия и Франция) по маршрутам Леонардо да Винчи.

Инициатором вояжа был Мережковский, готовящий материал для романа об итальянском гении – второго из трилогии «Христос и Антихрист». По его плану, вояжеры должны были посетить Флоренцию и Милан, а далее – воспроизвести путь Леонардо, сопровождавшего Франциска I – от Фаэнци через Римини, Равенну, Мантую и т.д. до замка Амбуаз, места смерти художника. В отличие от своего однокашника, страстно увлеченного сбором материала для книги, Волынский всю поездку чувствовал себя как на гвоздях, тяготясь своим двусмысленным положением и желая, чтобы его возлюбленная, наконец, объяснилась с мужем. Итальянские древности его особо не трогали, в том числе и потому, что искусствоведение в то время не входило в круг его интересов и, по едкому замечанию Гиппиус, он даже еще не умел «отличать статую от картины» [Гиппиус, 2012, с. 527–528]). Чтобы чем-то занять скучающего друга, Мережковский рекомендует ему изучать Макиавелли, с томиком которого критик не расставался до самого окончания поездки.

В середине путешествия Волынский не выдержал и устроил Мережковским сцену, после чего уехал в Петербург. Роман с Гиппиус пережил еще несколько рецидивов (поэтесса даже уходила от мужа к Волынскому в его меблированные комнаты в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской; в ней, к слову, находилась и редакция «Северного вестника») и бесславно закончился. В 1897 г. Зинаида Николаевна напишет в своем дневнике: «Разрыв с Флексером совершился, наконец, этой весной. ...Светлая ночь 17 мая. Еленинский сад. На душе – пыль и великое томленье. Мы говорили грубо и гадко. ...С тех пор я его больше не видала» [Гиппиус, 2003, с. 44–45].

В сентябре 1897 г. в «Северном вестнике» начинается публикация глав из будущей книги Волынского о Леонардо да Винчи (1897, № 9–12; 1898, № 1–4). В этой книге Волынский вновь полемизирует с Мережковским, в ницшеанском ключе рассматривавшим Ренессанс как период возрождения живого, светлого языческого начала, борящегося с сумрачным христианством, и жаждавшим на рубеже XX века наступления «нового Rinascimento, чей первый, смутный лепет называ-

ют Символизм» [Мережковский, 1914, с. 204]. Волынский трактует Ренессанс как движение антихристианское, демоническое, реставрацию темных языческих начал, а сам Леонардо да Винчи предстает у него в роли демона-искусителя, чье искусство (а скорее «кудесничество») ложно и безблагодатно.

Мережковский, рассчитывавший опубликовать в «Северном вестнике» после «Отверженного» вторую часть трилогии – роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», – получает от Волынского отказ. Затем следует и его увольнение из редакции журнала. В письме своему другу публицисту П. П. Перцову от 6 ноября 1897 г. Мережковский напишет: «Флексер... не предупредив, исключил мое имя и З. Н. <Гиппиус> из списка сотрудников... это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леонардо да Винчи. Смердяковская у него сущность» [Письма, 1991, с. 172].

В конце января 1898 г. Дмитрий Сергеевич и Аким Львович обмениваются гневными письмами, после чего все отношения между ними разрываются навсегда. В конце того же года из-за финансовых неурядиц прекращает свое существование «Северный вестник»; Волынский лишится работы, а издательница Л. Я. Гуревич останется с 155 тысячами рублей долга.

Мережковские откажутся от нищестанства и начнут строить свой путь во Христе, чем вызовут насмешки Волынского, уверенного, что «декаденты, подобно двойственным натурам Ренессанса, просто неспособны на глубокое и цельное религиозное чувство. Они и здесь “интересничают”, “едут к Богу на раут” (как Волынский писал о Гиппиус)» [Толстая, 2013, с. 206].

Косвенным образом, не называя фамилии, Волынский продолжит критиковать Мережковского и в новом веке. Так, в статье «Бог или боженька?» он выступает против религиозного модернизма своих современников с их попытками «социализации неба и Христа» и разными шаткими «богопостройками» (здесь без труда угадывается «богостроительство» Мережковского). «Не к социализации Христа, не к арифметическому сложению двух правд мы должны стремиться, не о постройке инженерного сооружения, которое должно соединить два края пропасти, созданной ошибками человеческого мышления, мы должны заботиться, – пишет он, – а думать единственно о том, чтобы путем внутреннего усилия интеллектуального созерцания найти ту единую правду, из которой органически растет цельная жизнь, духовно-космическая жизнь, не знающая никаких пропастей между духом и природою, между волей и Богом, между человеком и Богом» [Волынский, 1910, с. 29]. Волынский призывает к «аполлонизации» христианства, возврату к его исходной чистоте – в противовес новым религиозным движениям, выражая надежду, что «родиной нового Аполлона» и «настоящим Вифлиемом» уже в обозримом будущем станет Россия [Там же, с. 32].

Судьба сведет Волынского и Мережковского уже после революции – оба будут работать в издательстве «Всемирная литература», основанном М. Горьким. Волынский примет новую власть и даже получит должность в Наркомпросе и возглавит Петроградское отделение Всероссийского союза писателей, став частью советской элиты. Он умрет в 1926 г. в окружении учеников и поклонников.

Мережковские тайно покинут Петроград в декабре 1919 г., так и не дождавшись свержения власти большевиков, на которое они так надеялись. За границей

они проживут довольно долгую жизнь, общаясь как с коллегами по литературному цеху, так и с весьма неоднозначными личностями – Савинковым, Пилсудским, Муссолини. Незадолго до смерти, летом 1941 г., Д. С. Мережковский выступит с радиоречью «Большевизм и человечество», в которой он воспоет «величие героического подвига, взятого на себя Германией в Святом Крестовом походе против большевизма» [Мережковский, 1993, с. 5]. Этот позорный факт сделает фамилию Мережковского в Советском Союзе непроизносимой вплоть до перестройки, открывшей творчество писателя сразу в полном объеме. В отличие от равновеликого, но до сих пор полузабытого Волынского, важнейшие произведения которого нашли свою дорогу к читателю лишь в последние годы (см., например: [Волынский, 2022; 2023]).

Список литературы

- Волынский А. Л.** Критические и догматические элементы в философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 9–12.
- Волынский А. Л.** Литературные заметки // Северный вестник. 1893. № 3. С. 108–141.
- Волынский А. Л.** Бог или боженька // Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств: Сборник статей и ответов. М.: Заря, 1910. С. 25–32.
- Волынский А. Л.** Русские женщины // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Феникс, 1994. С. 209–292.
- Волынский А. Л.** Символы (песни и поэмы) // Д. С. Мережковский: *pro et contra*. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 29–34.
- Волынский А. Л.** Гиперборейский Гимн. М.: Книжный мир, 2022. 236 с
- Волынский А. Л.** Рембрандт. М.: Книжный мир, 2023. 922 с
- Гиппиус З. Н.** Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 462 с.
- Гиппиус З. Н.** Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2003. Т. 8. Дневники: 1893–1919. 576 с.
- Гиппиус З. Н.** «Интуристы» у фашистов // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. С. 527–534.
- Зобнин Ю. В.** Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 436 с.
- Карцевский С. О.** Об эстетике Достоевского // Современные записки. Париж, 1921. Кн. III. С. 113–122.
- Маковский С. К.** Владимир Соловьев и Георг Брандес // Владимир Соловьев. *Pro et Contra*. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. Т. I. С. 514–527.
- Мережковский Д. С.** О символизме «Дафниса и Хлои» // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. М.: Типография И. Д. Сытина, 1914. Т. 19. Итальянские новеллы. С. 199–222.

- Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступительная заметка, публикация и примечания М. Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181.**
- Мережковский Д. С. Большевизм и человечество // Независимая газета. 1993. 23 июня. С. 5.**
- Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. С. 428–502.**
- Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 2000. 415 с.**
- Толстая Е. Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры, 2013. 632 с.**
- Холиков А. А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.**

References

- Gippius Z. N. “Foreign tourists” among the fascists // Gippius Z. N. Collected Works. Vol. 13. With us in Paris: Literary and political journalism of 1928–1939. Memories. Portraits. Moscow: Dmitry Sechin Publishing House, 2012. P. 527–534. (in Russian)**
- Gippius Z. N. Collected Works. Vol. 8. Diaries: 1893–1919. Moscow: Russkaya kniga, 2003. (in Russian)**
- Gippius Z. N. Memories. Moscow: Zakharov, 2001. (in Russian)**
- Kartsevsky S. O. On Dostoevsky’s aesthetics // Sovremennye zapiski. Vol. III. Paris: 1921. P. 113–122. (in Russian)**
- Kholikov A. A. Dmitry Merezhkovsky: From Life before Emigration: 1865–1919. Saint Petersburg: Aleteya, 2010. (in Russian)**
- Letters from D. S. Merezhkovsky to P. P. Pertsov / Introduction and notes by M. Koreneva // Russian Literature. 1991. No. 2. P. 156–181. (in Russian)**
- Makovsky S. K. Vladimir Solovyov and Georg Brandes // Vladimir Solovyov. Pro et Contra. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. Vol. I. P. 514–527. (in Russian)**
- Merezhkovsky D. S. Bolshevism and Humanity // Nezavisimaya Gazeta. 1993. June 23. P. 5. (in Russian)**
- Merezhkovsky D. S. On the Causes of Decline and New Currents in Contemporary Russian Literature // Merezhkovsky D. S. Eternal Companions. Portraits from World Literature. Saint Petersburg: Nauka, 2007. P. 428–502. (in Russian)**
- Merezhkovsky D. S. On the Symbolism of “Daphnis and Chloe” // Merezhkovsky D. S. Complete Works. Vol. 19. Italian Short Stories. Moscow: I. D. Sytin Typography, 1914. P. 199–222. (in Russian)**
- Payman A. History of Russian Symbolism. Moscow: Respublika, 2000. (in Russian)**
- Tolstaya E. D. Poor Knight. Intellectual Journey of Akim Volynsky. Moscow: Mosty kul’tury / Gesharim, 2013. (in Russian)**
- Volynsky A. L. Hyperborean Hymn. Moscow: Knizhny Mir, 2022. (in Russian)**
- Volynsky A. L. Rembrandt. Moscow: Knizhny Mir, 2023. (in Russian)**

- Volynsky A. L.** God or Little God // Where Are We Going? The Present and Future of the Russian Intelligentsia, Literature, Theater, and Arts. A Collection of Articles and Answers. Moscow: Zarya, 1910. P. 25–32. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Critical and Dogmatic Elements in I. Kant's Philosophy // Severny Vestnik. 1889. №7. P. 9–12. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Literary Notes // Severny Vestnik. 1893. No. 3. P. 108–141. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Russian Women // Minushee. Historical Almanac. Vol. 17. Moscow–Saint Petersburg: Feniks, 1994. P. 209–292. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Symbols (songs and poems) // D. S. Merezhkovsky: pro et contra. The Personality and Works of Dmitry Merezhkovsky in the Assessment of Contemporaries: Anthology. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. P. 29–34. (in Russian)
- Zobnin Yu. V.** Dmitry Merezhkovsky. Life and Deeds. Moscow: Molodaya gvardiya, 2008. (in Russian)

Информация об авторе

Матвейчев Олег Анатольевич, кандидат философских наук
профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Information about the Author

Oleg A. Matveychev, Candidate of Sciences (Philosophy)
Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

*Статья поступила в редколлегию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024*
*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024*